

МЕЩАНСТВО ГОРОДОВ САМАРСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ВЛАСТИ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Провинциальное мещанство в сословной повседневности являло собой продукт законодательных усилий власти и социального творчества самих акторов, приспособляющих «вызовы» сверху к жизненным обстоятельствам конкретного локуса империи. В этой связи изучение повседневной жизни самого крупного городского сословия, рассматриваемого в контексте перманентного диалога с властью, представляет несомненный научный интерес и позволяет обнаружить такие сословные интеракции и эгрессии, которые скрепляли сословную структуру вплоть до её ликвидации в 1917 г.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования опубликованных документов, таких как Памятные книжки Симбирской губернии, хранящиеся в Ульяновской областной научной библиотеке. Выводы по Самарской губернии основаны на изучении фондов мещанской управы и городской Думы Государственного архива Самарской области и изложены в монографии автора статьи, оставленной вне рамок данной работы. Методологический потенциал включает: сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий сравнить мещанское общество двух поволжских городов; статистический метод, позволяющий численно обозначить состав мещанства, и историко-антропологический метод, с помощью которого можно воссоздать психологические особенности сословного повседневного быта.

Результаты. На основании архивных данных по Самарской губернии автор приходит к формулировке вывода о «золотом веке» мещанства, подразумеваемая под этим тесное сотрудничество мещан города с купцами третьей гильдии в деятельности так называемой шестигласной думы и эмоциональный «диалог» с властью мещан, нашедший отражение в делопроизводственной документации Самары. В Симбирске же степень участия мещан в делах города в границах «городского гражданства» проявилась в меньшей степени, но и в этом случае реформа городского управления 1870 г. привела к тому, что мещанство стало вытесняться из общественной жизни города новыми социальными акторами, задействованными в работе всесословной думы.

Выводы. «Исход» мещан из городского самоуправления был предreshён Городовым положением 1870 г., нанеся удар по общинным отношениям в среде городского сословия. Учреждение мещанских управ не помогло самому крупному городскому сословию закрепить свой социальный мир в системе городских интеракций.

Ключевые слова: мещанство, сословие, власть, повседневность, местное самоуправление.

Z. M. Kobozeva

PETTY BOURGEOISIE CITIES WITHIN SAMARA AND SIMBIRSK PROVINCES IN RELATIONS WITH AUTHORITIES AND DAILY ROUTINE

Abstract.

Background. Provincial petty bourgeoisie in the class everyday routine represented the product of legislative activities of the government and the social creativity

of the actors themselves, who were adapting “the challenges” going from above to their life circumstances of a certain locus of the empire. That is why the research of the everyday life of the largest city class, that was being examined in the context of the permanent dialogue with the government, is considered undoubtedly to be very interesting from the scientific point of view and allows to discover such class interactions and egressions which had been holding the estate structure together till its elimination in 1917.

Materials and methods. The research problems were solved using published documents such as the Memorable books of Simbirsk province kept in the Ulyanovsk Regional Scientific Library. Conclusions about Samara province are based on the research results of the funds of petty bourgeoisie board and the City Duma from the State Archive of Samara Region, that were represented in the monograph of the author of the article, that is beyond the limits of this work. The methodological potential includes the comparative-contrasting method that allows to compare the petty bourgeoisie society of the two Volga cities; the statistical method that allows to numerically define the social composition of petty bourgeoisie and the historical-anthropological method that helped to reconstruct psychological characteristics of the class daily life.

Results. On the ground of the archive data on Samara province the author comes to the conclusion about “the golden age” of petty bourgeoisie implying the close interaction between the petty bourgeoisie of the city with the merchants of the third guild in the activity of the so-called “Shestiglasnaya Duma” and the emotional “dialogue” between the authorities and the petty bourgeoisie that is reflected in the book-keeping of Samara petty bourgeoisie. On the contrary in Simbirsk the degree of participation of petty bourgeoisie in the city affairs in the limits of “city citizenship” became apparent much less. Nevertheless the Municipal government reform of 1870 led to the situation when the petty bourgeoisie was being forced out of the social life of the city by the new social actors engaged in the all-estate дума.

Conclusions. “The exodus” of petty bourgeoisie from the municipal government was predetermined by the City Charter of 1870, that stroke a blow upon the communal relationship in the city estate environment. The petty bourgeoisie town council establishment didn’t help the largest city class to keep their social world safe in the system of city interactions.

Key words: petty bourgeoisie, estate, power, everyday routine, local self government.

На жизнь народа, в том числе и на жизнь мещанства, можно смотреть с позиций сочувствующего дидактизма, как смотрела на него русская литературная и общественно-политическая традиция, а можно наблюдать жизнь народа с позиций здорового оптимизма, каждодневного привычного образа жизни, в том числе и общественного быта. Б. Пастернак в «Докторе Живаго» точно подметил: «Люди трудились и хлопотали, приводимые в движение механизмом собственных забот. Но механизмы не действовали, если бы главным их регулятором не было чувство высшей и краеугольной беззаботности. Эту беззаботность придавало ощущение связности человеческих существований, уверенность в их переходе одного в другое, чувство счастья по поводу того, что всё происходящее совершается не только на земле, в которую закапывают мёртвых, а ещё в чём-то другом, в том, что одни называют царством Божиим, а другие историей...» [1, с. 14]. Мещанскую сословную жизнь в городе в эпоху до введения Городового положения 1870 г. можно условно назвать «золотым веком». В социальном аспекте «золотой век» определялся теми возможностями участия в городском самоуправлении, которые были

предоставлены мещанству екатерининским законодательством и которые воплотились в форму так называемого «городского гражданства», в чьем составе мещанство занимало достаточно активную позицию. Получая после 1870 г. свой сословный орган власти, мещанскую управу, мещанство перестаёт играть в делах города ту традиционно-патриархальную роль «хозяина», которую оно играло вместе с купечеством третьей гильдии в делах местного самоуправления ранее.

Ценностное значение «золотого века» заключается в том, что в российской истории понятие «золотой век», как правило, связывалось с элитарной культурой, противопоставленной массовой, низовой культуре. Но и среди непривилегированных, неэлитарных слоёв населения на уровне практик взаимодействия внутри социума и с государственным окружением сложился свой «золотой век» как период наибольшей ответственности перед собой и перед городом.

Методологическое же значение использования термина «золотой век» позволяет ещё раз подчеркнуть необходимость написания истории мещанства «снизу», со стороны базовых интересов сословия. Принимая вывод М. Б. Лавринович о том, что в результате реформаторской политики Екатерины II в области городского законодательства «городское население перестало играть для государства роль исключительно источника финансов», а «статус горожан приобрёл политическое значение, став индикатором характера государственного устройства – монархии как «правового государства» с сословным устройством» [2, с. 241], нам видится «золотой век» как индикатор «шага в сторону формирования гражданского общества» [3, с. 120].

Период наибольшей сословной активности мещанства в делах города приходился на 50–60-е гг. XIX в. Так как мещанство в делах управления в этот период тесно сотрудничало с купцами третьей гильдии, можно утверждать о сложившемся в городах социальном мещанско-купеческом пространстве, «городском гражданстве», именно в значении социального взаимодействия данных страт и создаваемого ими ментального поля городской идентичности. Традиционно под «городским гражданством» в историографии понимается социальная среда города, сформированная екатерининским законодательством 1775–1785 гг. На наш взгляд, та социальная картина, которая сложилась в провинциальном городе Среднего Поволжья в 50–60-е гг. XIX в., как раз и явилась результатом «симбиоза» законодательных инициатив конца XVIII – начала XIX в. и социального творчества горожан, адаптировавших это законодательство под свою повседневную жизнь.

Жалованная грамота городам «определила юридическое положение городского сословия, корпоративные формы существования... создала сословный суд и организационные формы для правильного самоуправления (магистраты и городские думы)» [3, с. 120]. Дворянство и духовенство проигнорировали участие в органах городского самоуправления. Военным и крестьянам, проживающим в городах, запрещено было в нём участвовать. Таким образом, городское самоуправление стало самоуправлением купцов, мещан и ремесленников. Общины мещан, купцов и ремесленников образовали «общество градское» [4, с. 24]. Городовое положение 1870 г. «превратило сословное городское самоуправление во всесословное, в котором дворянство и профессиональная интеллигенция заняли значительное место» [5, с. 113].

Как отмечает в своём исследовании А. П. Каплуновский, «следствием городской реформы 1870 г., провозгласившей принцип сословности муниципального управления, было вытеснение мещанской общины из общегородских распорядительных и исполнительных органов» [4, с. 34–35]. Реформа 1870 г. сформировала исполнительные органы мещанского общества, мещанские управы, в составе мещанского старосты, являвшегося председателем, и его помощников (два члена управы и письмоводитель), избиравшихся сроком на три года. Мещанская управа занималась исполнением решений, принятых на собрании общества, ведала вопросами его жизнедеятельности. В целом Городовое положение 1870 г. реализовывало «принцип самоуправления и хозяйственной самостоятельности города» [6, с. 42]. Но, несмотря на утверждение части историков о том, что в первой половине XIX в. в результате того, что «система городского самоуправления, дарованная городскому обществу в 1785 г., уже устарела, «городское хозяйство приходило в упадок... города практически не благоустривались, горожане игнорировали выборы городских дум, шестигласные городские думы руководились губернской администрацией» [7, с. 4], общие городские думы в некоторых городах вообще не собирались [6, с. 34], «иными словами, «самоуправления» городского общества в полном смысле не существовало» [6, с. 34], для мещанства провинциального города период до 1870 г. как раз и был временем общественной сословной активности. Поэтому не представляется возможным согласиться с мнением А. К. Семёнова о том, что «непоследовательная и противоречивая политика российского самодержавия в отношении городов и городского населения империи в первой половине XIX в. объективно тормозила процессы формирования социальных связей и дальнейшего развития буржуазной городской культуры» [3, с. 530]. После 1870 г. мещанство растворилось во сословном городском управлении и старые «городские хозяева» – мещане уступили место новой «элите» – некоему «грюндерскому» предпринимательскому кругу и альтруистам из почувствовавших силу и страсть к «местным нуждам» интеллигентов (и, безусловно, получившим такую возможность). Замкнутый традиционный русский город и его социальное «чрево» в лице мещан – обывателей, прикрепленных тяглыми традициями, сознанием, видом на жительство, хозяйственной деятельностью к «месту» (NB: вся семантическая игра с понятием «местечковость»), уступили место подвижному и активному модернизированному городу и его новым хозяевам, связанным с капиталами, социальным престижем, общественной альтруистической рефлексией и рационалистическим сознанием. С этого момента мещанство устремляется в разные направления имперской жизни: в коммивояжеры, в художники, в учёные, в предприниматели, а самое главное – в поток информации, меняющий жизнь. Дискурс «мещанства», сформированный художественной традицией и общественной мыслью России, – всего лишь миф, не имеющий ничего общего с обладающей консервативными вкусами социальной средой, которая была открыта инновациям настолько же, насколько и всё остальное российское общество при благоприятных обстоятельствах.

В исторической литературе, посвящённой этой проблеме в границах Среднего Поволжья [8], закрепилась точка зрения, сформулированная А. Н. Зориним, о том, что «общие думы» в первой половине XIX в. «потеряли всякое значение и, может быть, вообще не существовали» [8, с. 144–145]. Что каса-

ется шестигласной думы, то, как утверждает исследователь, она «сделалась неузнаваемой по сравнению со своим прототипом», а единого «градского общества» вообще не существовало [8, с. 144–145]. Мотивацию дворян в отказе участвовать в городском самоуправлении А. И. Зорин, как и другие исследователи, связывает с «унизительностью» для них права «быть избираемыми вместе с купцами и мещанами» [8, с. 144–145]. Автор достаточно эмоционально замечает, что «людей, озабоченных тем, как добыть пропитание, государство заставляло тратить драгоценное время на службу в выборных учреждениях» [8, с. 144–145], и добавляет: «Темнота и невежество гласных – общее место в отчётах ревизоров» [8, с. 144–145]. Что касается оценки городских выборных учреждений как «классовых органов «буржуазии», то, по мнению Зорина, она «просто некомпетентна» [8, с. 146]. В целом у исследователя преобладает негативный взгляд на деятельность дум: «...делопроизводство в думах велось медленно, часто неправильно. Инструкции и циркуляры сплошь и рядом в срок не выполнялись. Элементарные дела тянулись годами» [8, с. 146], «...думы и ратуши были очень несамостоятельны в своих действиях. Теоретически на каждый свой шаг они должны были испрашивать разрешение губернского правления, а то и высочайшее» [8, с. 147], «...сметы думами составлялись небрежно и бестолково. Общественные суммы тратились на поздравления чиновников, на кормление их обедами... и т.п. ... В росписи вносились расходы на уплату жалования по должностям, которых не было» [8, с. 147]. Таким образом, рисуется картина практически горьковского дискурса в описании провинциальной действительности.

Что касается ситуации с городским самоуправлением в Самаре, то авторы монографии «История Самары: От воеводского управления до губернской думы» отмечают, что общая городская дума практического значения в повседневной жизни не имела. По сути дела, это было собрание выборщиков от разных групп горожан, которое проводилось раз в три года и занималось исключительно избранием членов постоянной, так называемой «шестигласной» думы. В уездной Самаре от издания «Жалованной грамоты» до 1850 г. было проведено 23 созыва думы [9, с. 101]. В Самаре было четыре гласных, а не шесть, как предусматривала «Жалованная грамота». «Дума осуществляла распорядительные функции по тем сторонам жизни Самары, что были отнесены к ведению местного самоуправления. Она ведала сбором податей с горожан и несением ими повинностей, содействовала развитию торговли и ремёсел, управляла городским хозяйством и имуществом, занималась благоустройством, защищала сословные права купцов и мещан. Важнейшей частью работы думы была финансово-бюджетная» [9, с. 101]. В целом авторы монографии приходят к выводу, что, так как до 1851 г. Самара была уездным городом, «её органы городского самоуправления были развиты слабо» [9, с. 123].

Практически все городские думы и магистраты городов Симбирской губернии в 1862–1863 гг. характеризовались также мещанско-купеческим составом [10, с. 28–65] (в 1860 г. во всех городах губернии проживало 32 988 мещан и 2217 купцов [10, с. 1–8]). Такой же мещанско-купеческий состав был и в 1864 г. [11, с. 14–62]. Так же, как и в Самаре, в Симбирске купцы и мещане совместно занимались нуждами города и обустроивали свою сословную жизнь, протекающую в нём.

Таким образом, проблема «городского гражданства» обращает нас к вопросу, сформулированному Э. Гидденсом: «Кому принадлежит город?» [12, с. 496]. Сам социолог отвечал на него: «...города мира являются как домом для огромной концентрации власти и богатства, так и пристанищем для терпящих неслыханные затруднения и лишения» [12, с. 496]. Несмотря на «приоритетность административной функции русского города», являвшегося в первую очередь «центром власти» [13, с. 177, 176], город сам устанавливал социальные связи и отношения: «Большой город – это «мир незнакомцев», однако он поддерживает и создаёт новые взаимоотношения» [12, с. 501]. В городах пересекаются пути различных групп населения. Они выстраивают свои социальные связи, помимо запланированных властью. По мере модернизации русского города в пореформенную эпоху горожанин становится более мобилен, связь внутри городского сообщества ослабевала, «темп жизни» возрастал, «конкуренция начинала доминировать над взаимодействием» [12, с. 500], повседневные контакты обезличивались. В урбанистическом пространстве «множество людей живёт в непосредственной близости друг от друга, не будучи лично знакомым практически ни с кем из окружающих» [12, с. 499]. Однако в городе провинциальном в 50–60-е гг. XIX в. ещё весьма сильны традиционные для сельской местности соседские отношения. Если исходить из понятия «среднего класса» как «ядра общества», «нивелирующего социальные крайности и поэтому создающего стабильность» [13, с. 28], можно предположить, что купеческо-мещанское общество городов 50–60-х гг. XIX в. как раз и представляло собой такой «средний класс». Поэтому город принадлежал всем тем, кто участвовал в его внутреннем социальном взаимодействии.

Ещё один интересный вопрос, связанный с городским общественным организмом дореформенной России, касается проблемы, поднятой Б. Н. Мироновым в отношении двух моделей общественной организации: общности и общества [5, с. 423]. В общности «господствуют социальные связи, основанные на соседстве и родстве, на привязанностях, душевной склонности и уважении» [5, с. 423]. В обществе «доминируют социальные отношения, основанные на рациональном обмене услугами и вещами, каждый участник этих отношений сознаёт полезность и ценность, которой обладает... один человек для другого. Эти отношения поддерживаются сознательно; эмоции при этом подавляются, так как они приводят к нерациональным решениям» [5, с. 423]. На наш взгляд, «городское гражданство» провинциальных городов в 50–60-е гг. XIX в. объединяло в себе черты как общности, так и общества при использовании дефиниций Миронова. Учитывая общий тезис историографии о том, что вместо всесословного городского общества сложилось общество купцов и мещан, причём именно в большинстве случаев купцов третьей гильдии, по своему социальному положению наиболее приближенных к мещанству, мы можем предположить, что это общество несло в себе много черт общности, являлось не столько малоэффективной бюрократической единицей, как это принято считать, а определённой системой социального взаимодействия, обладавшей в зачатках тем бюргерским духом, которым его и хотело наделить екатерининское законодательство.

Несмотря на то, что провинциальный город Среднего Поволжья был чрезвычайно многоликим по своему социальному составу, мещанство являлось самым крупным городским сословием. По первой всеобщей переписи населения 1897 г. из 89 999 жителей Самары 39 254 человека было мещан,

39 825 – крестьян, т.е. численно крестьян было больше на 571 человек. [14, с. 34–35]. Но крестьяне не являлись городским сословием. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что мещане были самым многочисленным сословием русских городов. В целом по Самарской губернии в 1897 г. проживало 157 505 мещан [15, с. 351]. В Симбирске была аналогичная ситуация. Мещан мужского пола проживало в городе 7492 человека, а крестьян мужского пола – 9874 человека [16, с. 32–33]. В целом по Симбирской губернии проживало 63 484 мещан [15, с. 351]. В конце XIX в. в Среднем Поволжье насчитывалось 309 388 мещан, что составляло 2,9 % от общего количества населения [17, с. 100]. В 1867 г. в составе городского населения Симбирской губернии мещане составляли 64,7 %, Самарской губернии – 69,0 %. К 1897 г. процентная доля мещан в составе городского населения данных губерний сократилась: в Самарской – до 50,5 %, а в Симбирской – до 39,4 % [17, с. 101]. В. И. Петров считает, что данные показатели отражают не процесс сокращения мещанского сословия как такового, а рост населения городов за счёт крестьян, которые предпочитали оставаться в правовых границах своего сословия [17, с. 100]. Самыми многочисленными «мещанскими городами» Симбирской губернии были: Симбирск (16 184 человека), Сызрань (11 719 человек), Алатырь (6012 человек) [17, с. 105]. В Самарской губернии по количеству мещан на первом месте находился Бугурусланский уезд (18 702 человека), далее следовал Николаевский уезд (14 029 человек), потом Бугульминский (12 779 человек) и, наконец, Самарский уезд (8045 человек). Среди городов Самарской губернии больше всего мещан проживало в Самаре (39 254 человека), а меньше всего – в Ставрополе (3404 человека) [17, с. 106].

Новая городская всесословная дума начинает вытеснять мещан не только из местного самоуправления (в этом отношении, собственно, за неё постарались творцы закона 1870 г.), но и из самого города, привычно воспринимаемого мещанами как общественный дом или, по аналогии с названием здания, в котором заседала ранее градская дума, «дом общества градского». Показателен в этом отношении конфликт, произошедший между обществом мещан г. Симбирска и всесословной думой в 1883 г. Мещанское общество ещё в 1873 г. решило, что мещанский староста должен ходатайствовать перед думой об отчислении доходов с принадлежащих городу пахотных земель в пользу мещанского общества [18, с. 401–402]. Мещане на своём собрании рассуждали: «Городская управа имеет в непосредственном своём владении различные оброчные статьи... и употребляет их по своему усмотрению... на одно только жалование служащих расходуется в Управе около 20 000 руб. ... мещане же небогатые, обременённые многочисленными семействами и после опустошительного пожара разорённые, решительно ничего не имеют в своём распоряжении и владении, но всё же несут тяжёлые налоги...», а «в 659 ст. V т. Св. Зак. Устава о податях сказано: «доходы от принадлежащих мещанским обществам оброчных статей, в пользу их поступающих, должны быть обращаемы не на посторонние предметы, а на составление городского капитала...» [18, с. 401–403]. Дума не приняла к сведению мнение мещан города, которые оставались приверженцами старых общинных порядков в отношении городской земли [13, с. 244].

Таким образом, «исход» мещан из городского самоуправления был предрешён Городовым положением 1870 г., нанесшим также «сильнейший удар по общинным отношениям в среде городского сословия» [5, с. 500].

Новую расстановку сил в пореформенном городе с иронией характеризует Б. Н. Миронов: «Реформа наконец создала сословное общество горожан ценой лишения 95 % городского населения избирательных прав вследствие имущественного ценза, в принципе небольшого, но оказавшегося для 95 % бедных российских горожан непреодолимым» [5, с. 500]. С этого момента мещанское общество города теряет значение в городском самоуправлении. Власть в городе фактически переходит к богатому купечеству и профессиональной интеллигенции.

Р. С. Мещане: «С незапамятных времён предки наши, живущие в заволжских слободах: Часовне, Канаве и Королёвке, пасли свой скот в заволжском лесу, владеемом ныне городом... Все мы заволжские жители – жители того же города Симбирска, те же члены городского общества, все мы несём те же повинности... Чтобы иметь возможность заниматься хлебопашеством, необходим скот, а чтобы иметь скот, то нужно где-нибудь его пасти... Суд решил взыскать с нас за пастьбу в городском лесу... в пользу города...». Дума: «Ходатайство мещан не заслуживает уважения на том основании, что взыскание за самоуправство... есть единственная мера, которая может остановить заволжских мещан от подобных действий в будущем...» [18, с. 577].

Список литературы

1. **Пастернак, Б.** Доктор Живаго / Б. Пастернак. – Куйбышев : Куйбышевское книжное издательство, 1989. – 528 с.
2. **Лавринович, М. Б.** Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762–1796) : дис. ... канд. истор. наук / Лавринович М. Б. – М., 2001.
3. **Семёнов, А. К.** Самоуправление русских провинциальных городов в конце XVIII – начале XX в. : дис. ... д-ра истор. наук / Семёнов А. К. – Воронеж, 2006.
4. **Каплуновский, А. П.** Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг. (Этно-историческое исследование) : дис. ... канд. истор. наук / Каплуновский А. П. – М., 1998.
5. **Миронов, Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1.
6. **Тюрин, В. А.** Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. / В. А. Тюрин. – Самара : Самарский университет, 2007. – 202 с.
7. **Артамонова, Л. М.** Административные и полицейские органы Самары в первой половине XIX века / Л. М. Артамонова // Самарский земский сборник. – 1996. – № 4.
8. **Зорин, А. И.** Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. Историко-этнографический очерк / Л. М. Артамонова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 253 с.
9. История Самары: От воеводского управления до губернской Думы. Книга первая. – Самара, 2011.
10. Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863 годы. – Симбирск, 1863.
11. Памятная книжка Симбирской губернии на 1864 год. Издание Симбирского губернского статистического комитета. Выпуск первый. – Симбирск, 1864.
12. **Гидденс, Э.** Социология / Э. Гидденс. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
13. **Кошман, Л. В.** Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты / Л. В. Кошман. – М. : РОССПЭН, 2008.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. XXXVI. Самарская губерния. – СПб., 1904.

15. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. – Саратов, 2010.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. XXXIX. Симбирская губерния. – СПб., 1904.
17. **Петров, В. И.** Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века : дис. ... канд. истор. наук / Петров В. И. – Оренбург, 2005.
18. Журнал Симбирской городской думы. Сентября 23. – Симбирск, 1883.

References

1. Pasternak B. *Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago]. Kuybyshev: Kuybyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 528 p.
2. Lavrinovich M. B. *Reformatorskaya politika Ekateriny II v oblasti gorodskogo zakonodatel'stva (1762–1796): dis. kand. istor. nauk* [Reform policy of Ekaterina II in the field of municipal legislation (1752-1796): dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 2001.
3. Semenov A. K. *Samoupravlenie russkikh provintsial'nykh gorodov v kontse XVIII – nachale XX v.: dis. d-ra istor. nauk* [Self-government of Russian provincial towns in the late XVIII – early XX centuries: dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Voronezh, 2006.
4. Kaplunovskiy A. P. *Russkaya meshchanskaya obshchina v gorodakh Kazanskogo Povolzh'ya. 1870–1918 gg. (Etno-istoricheskoe issledovanie): dis. kand. istor. nauk* [Russian petty bourgeoisie community in towns of Kazan Volga region. 1870–1918 (Ethno-historical research): dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 1998.
5. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genезis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia of the empire period (XVIII – early XX centuries): Genesis of the personality, the democratic family, the civil society and the constitutional state]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003, vol. 1.
6. Tyurin V. A. *Vlast' i gorodskoe samoupravlenie v Srednem Povolzh'e: opyt vzaimodeystviya na rubezhe XIX–XX vv.* [Authority and municipal self-government in Middle Volga region: experience of cooperation at the turn of XIX–XX centuries]. Samara: Samarskiy universitet, 2007, 202 p.
7. Artamonova L. M. *Samarskiy zemskiy sbornik* [Samara zemstvo collection]. 1996, no. 4.
8. Zorin A. I. *Gorozhane Srednego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XVI – nachale XX v. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Townpeople of Middle Volga region of the second half of XVI – early XX century. Ethno-historical essay]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1992, 253 p.
9. *Istoriya Samary: Ot vоеvodskogo upravleniya do gubernskoy Dumy. Kniga pervaya* [History of Samara: From voivode management to provincial Duma. The first book]. Samara, 2011.
10. *Pamyatnaya knizhka Simbirskoy gubernii na 1862–1863 gody* [The Memorable book of Simbirsk province of 1862-1863]. Simbirsk, 1863.
11. *Pamyatnaya knizhka Simbirskoy gubernii na 1864 god. Izdanie Simbirskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Vypusk pervyy* [The Memorable book of Simbirsk province of 1864. Publication of the Simbirsk provincial statistical council. The first issue]. Simbirsk, 1864.
12. Giddens E. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS, 2005, 632 p.
13. Koshman L. V. *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya. Sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [Town and town life in Russia of XIX century. Social and cultural aspects]. Moscow: ROSSPEN, 2008.
14. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii. 1897 g. XXXVI. Samarskaya guberniya* [The first universal census of the Russian Empire. 1897. XXXVI. Samara province]. Saint Petersburg, 1904.

15. *Ocherki istorii Povolzh'ya i Priural'ya v imperskiy period* [Essays on the history of Volga and Ural regions during the empire period]. Saratov, 2010.
16. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii. 1897 g. XXXIX. Simbirskaya guberniya* [The first universal census of the Russian Empire. 1897. XXXIX. Simbirsk province]. Saint Petersburg, 1904.
17. Petrov V. I. *Sostav naseleniya Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala vo vtoroy polovine XIX veka: dis. kand. istor. nauk* [The composition of population of Middle Volga region and South Ural region in the second half of XIX century: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Orenburg, 2005.
18. *Zhurnal Simbirskoy gorodskoy dumy. Sentyabrya 23* [Journal of Simbirsk municipal дума. 23rd of September]. Simbirsk, 1883.

Кобозева Зоя Михайловна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра российской истории, Самарский
государственный университет
(Россия, г. Самара, ул. Академика
Павлова, 1)

E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru

Kobozeva Zoya Mikhailovna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of Russian
history, Samara State University
(1 Akademika Pavlova street,
Samara, Russia)

УДК 94(47).08

Кобозева, З. М.

Мещанство городов Самарской и Симбирской губерний в пространстве власти и повседневности / З. М. Кобозева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 22–31.